

САВОНАРОЛА (Savonarola) Джироламо (1452 — 1498) — итальянский христианский мыслитель, религиозный и социальный деятель, проповедник, поэт. Сочинения: при жизни издан политико-юридический трактат «Об управлении Флоренцией» (1498), посмертно — свод философских трактатов «Краткое изложение философии, морали, логики, разделение и достоинства всех наук» (1534), позднее — апологетическое обоснование всей системы догматов и таинств христианства «Триумф креста», нравственно-философский трактат «Размышления о псалме 51», религиозные трактаты «Об истине пророчества» и «Об откровении», катехический моральный кодекс «Руководство к христианской жизни», юношеский морально-этический трактат «О презрении к свету», воззвания, тексты проповедей, стихи, стансы. Родился в аристократической падуанской семье (дед — Михаил С. — был известным врачом и естествоиспытателем, отец — гуманистом), получил блестящее светское образование, никак не должно было бы инспирировать его решение пострига; с юности увлекался схоластикой и, в частности, произведениями Фомы Аквинского; ранние стансы посвящены «порче нравов и плачевному положению христианской церкви в светском мире».

После неудачной любви к дочери изгнанного из Флоренции Строцци бежал из дому, оставив дома свою первую книгу «О презрении к свету», и вступил в доминиканский юношеский орден, сдав в пользу монастыря не только деньги и имущество, но и все книги, кроме материнской Библии. Благодаря учености и истовости веры (делил время между молитвами и изучением патристики) быстро сделал церковную карьеру, продвинувшись от скромной должности чтеца при братии до функции профессионального проповедника, командидуемого монастырем в различные города Италии. Именно проповедь стала истинным призванием С., а центральным содержанием его проповедей — апокалиптические пророчества гибели Италии за грехи и безверие, призывы ко всеобщему покаянию, бичевание прегрешений против аскезы и проклятия тем, кто не верит проповеди.

Осознавал свою пророческую миссию как призвание Божие: «...грехи Италии силою делают меня пророком».

Отличался предельной требовательностью к себе: после единственной неудачной проповеди в Сан-Лоренцо на два года замыкает себя в глуши Сан-Джиминьяно оттачивать мастерство. Результат был ошеломляющий: залы не могли вместить всех желающих; С. проповедует во Флоренции, Ферраре, Брешии и т.д., бичуя пороки не

только паствы, но и пастырей, и, не стесняясь в выражениях, бичует образ жизни клира. Критика светского характера гуманистической культуры дополняется у С. критикой социально-политического характера, направленной против тирании Медичи и стратегий папской политики. В проповедях С. оформляется реформаторская программа реорганизации как церковной, так и мирской жизни на базе возрождения апостольского идеала аскезы, нищеты и всеобщей христианской любви, отличная, однако, от традиционных мистических утопий своей продуманной конкретностью и отсутствием идеи второго пришествия. Спецификой воззрений С., делающей его единственной и уникальной в этом плане фигурой, является отсутствие в его взглядах мистической подоплеки, которая, как правило, фундировала собой в истории христианства социальные программы, аналогичные программе С. (см. Мистика): социальный идеал конституируется в воззрениях С. не как прожективная утопия, но как культурная программа, артикулированная на уровне социальной технологии. Знакомство С. с Пико делла Мирандолой, несмотря на альтернативность их воззрений, породило глубокую дружбу, и, благодаря протекции Пико делла Мирандолы, С. был приглашен Лоренцо Великим во Флоренцию и занял учительскую кафедру в монастыре Сан-Марко, где благодаря своей коммуникабельности был единогласно избран приором (1491), сразу проявив на этой должности свою независимость по отношению к властям, отказавшись явиться к Лоренцо с выражением почтения. В новом качестве обостряет обличительный пафос своих проповедей («Рим — это Вавилон»), успех которых был усилен благодаря ряду удачных предсказаний С. (смерть папы Иннокентия, вторжение в Италию французского короля и др.).

Предельное расширение аудитории слушателей С. сделало его проповеди значимым явлением в социальной жизни Флоренции: купцы раздавали несправедно нажитое, женщины прекращали носить украшения и т.п. Моделируя сколь глобальную, столь и радикальную социальную реформу, С. реформирует жизнь в монастыре: вводятся значительные обязательные для всех трудовые повинности, ликвидируется все монастырское имущество сверх необходимого, для обеспечения возможности проповедовать среди иноверцев в монастыре учреждаются кафедры греческого, еврейского, арабского и турецкого языков. С. последовательно отказывается от должностей архиепископа, а затем — кардинала, предложенных ему сыном Лоренцо Великолепного Петром Медичи — новым тираном, сменившим умершего отца. В 1494, после вступления Карла VIII в Италию, Петр Медичи был изгнан как изменник, и «главой посольства к французскому королю», т.е. фактически главой

Флоренции, был избран С. Период его деятельности с 1494 по 1498 — время не только государственного переустройства, но и радикальных социокультурных преобразований во Флоренции, прошедшее под знаком республиканских идеалов и осуществленное по программе, разработанной в сочинениях и проповедях С. За этот период были восстановлены республиканские государственные учреждения; организованы «Великий Совет» и «Совет восьмидесяти», моделирующие в своих функциях деятельность двухпалатного парламента; поземельный налог был заменен 10%-м подоходным (С. была высказана даже идея прогрессивного подоходного налога,

фундированная аскетическим тезисом «излишек — смертный грех»); С. освободил горожан от заемного долга и изгнал ростовщиков, бравших «больше, чем треть»; основав государственный заемный банк с фиксированным процентом; Христос был провозглашен «сеньором Флоренции», а С. — «избранником его». С. повел решительную борьбу за чистоту нравов: назначал свои проповеди на время балов и маскарадов; ввел страшные кары за прегрешения, оцениваемые им как серьезные (святотатцам вырывали языки, развратников сжигали заживо, игроков лишали имущества); организовал команды подростков («юная Христова инквизиция»: 1300 детей моложе 16 лет, организованные в 4 отряда — по числу городских кварталов во Флоренции), врывавшихся в дома с целью контроля за соблюдением десяти заповедей (своего рода «полиция нравов») и изымавших книги светского содержания, музыкальные инструменты, духи, игральные кости и карты, которые впоследствии публично сжигались (костры «анафемы суеты»).

Уже в 1494 на улицах Флоренции пели не песни, но псалмы, а число желающих вступить в монастырь Сан-Марко превысило когда-либо наблюдавшееся. Слава С. шагнула далеко за пределы

Флоренции; по заказу турецкого султана тексты его проповедей переводились на турецкий. Однако тучи над ним сгущались. Прежде всего, внутри Флоренции обострилась борьба партий: «белых» (или *piagnoni* — плачущих, т.е. солидарного с С. простонародья), «черных», т.е. блока недовольных попранием своих привилегий аристократов (*arrabbiati* — беснующихся) и резко противостоящей реанимации аскезы золотой молодежи, неоднократно покушавшейся на жизнь С. (*сот-рогнасси* — «тусующиеся»), а также сторонников реставрации тирании Медичи — «серых». Кроме того, Карл VIII, вступив в союз с Петром Медичи, двинулся из Неаполя во Флоренцию с целью восстановить последнего на троне; одновременно императором Максимилианом был осажден Ливорно. С. встал во главе вооруженной Флоренции и его дипломатическими усилиями союз с Францией был расторгнут на предельно льготных для итальянской стороны условиях, а снятие осады с Ливорно было расценено флорентийцами как Божий ответ на воззвание к нему С. с мольбой о чуде. Сокрушительный удар был нанесен С. именно в идейной сфере: по заказу папы, инспирированному интригами Петра Медичи, доминиканскими авторитетами была осуществлена экспертиза воззрений С. и в их содержании была усмотрена ересь. В контексте истории христианства пафос С. опоздал на два-три столетия (хотя нет никакой гарантии, что и в более «удобных» для мессианской проповеди аскезы 13—14 вв. его ждала бы судьба

Франциска, а не Дольчино). Его проповеди, призывающие «блюсти чистоту нравов», потрясают не только своей пламенностью (при полной лишенности культурной почвы в контексте эпикурейски ангажированного морального индифферентизма Флоренции 15 в.), но, что еще более неожиданно, своей очевидной

эффективностью, чрезмерной с точки зрения клира, уже имевшего опыт столкновения с неуправляемой массовой экзальтацией.

Резкое неприятие С. со стороны официального христианства явилось для него источником глубокой личной трагедии. Первое потрясение было испытано им, когда еще во время правления Петра Медичи (1492) его проповеди, представляющие собой призыв к чистоте и аскезе, были (своего рода культурный парадокс) запрещены к чтению «на время поста». Доминиканская экспертиза (свой же орден отторгал С!) легла в основу сформулированного папой Александром IV вердикта: «подозрительное учение». 12 мая 1497 С. был отлучен от церкви. В этой драматической ситуации С. повел себя в совершенно нетипичной для 15 в. манере: как светский общественный деятель и борец за права человека он рассылает «Послание против лживо испрошенной буллы об отречении» и «Письмо к государям», где обосновывает свой отказ повиноваться отречению, «противному... заповедям

Господним», тем, что единоличное решение папы может быть ошибочным или предвзятым, и требует созыва Вселенского Собора как коллегиального органа принятия решений. Несмотря на двухкратно присылаемые «бреве» Папы, Флоренция не смещала С. с должности и не выдавала папским властям: со дня отлучения (12 мая 1497) и вплоть до 18 марта 1498 С. проповедовал с прежним, если не с большим (в ореоле мученика) успехом.

Однако откровенная провокация «беснующихся» толкнула толпу на требование «Божьего суда» (огненной пробы), якобы для доказательства праведности учения С. Отказ С. пройти сквозь огонь был крушением его имиджа идеального пророка в глазах толпы: разъяренные «плачущие», забыв и свои недавние экзальтированные восторги, и социальные акции С. в защиту их прав, осадили Сан-Марко. С. был заточен и предан следственной комиссии, состоящей целиком из «беснующихся». После варварских пыток, применявшихся по 14 раз в сутки в течение месяца, у С. было вырвано признание «лживости обманного учения».

Истовый проповедник христианской любви и аскезы был повешен как еретик, а труп его предан огню. За последний месяц жизни С. были написаны в тюремной камере не только эссе экзистенциального характера «На тебя, Господи, уповаю», но также выполненное в филигранной стилистике «Размышление о псалме 51» и преисполненное прежней веры в христианский идеал и собственное мессианство «Руководство к христианской жизни», созданное за два часа до казни и записанное на переплете книги, принадлежащей тюремщику, — последнему, кому, по его просьбе, проповедовал С., до конца остававшийся верным своему призванию.

Предельно скорая (спустя несколько десятилетий) реабилитация учения С.,

осуществленная к тому же папой Павлом IV, издавшим первый в истории христианства «Индекс запрещенных книг», фактически прекратившим деятельность Соборов и преследовавшим не только еретиков, но и сторонников любых (вплоть до самых умеренных) церковных реформ, является типичной экзemplификацией культурной фигуры «мертвого пророка». После казни С. массовое сознание восприняло его как культовую фигуру мученика: вплоть до середины 18 в. место его казни ежегодно в соответствующую дату осыпалось цветами. В 1885 С. был поставлен памятник в Ферраре; жизнь и деятельность С. была осмыслена в философской традиции как модель социально-креативного духовного творчества (в частности, в пьесе

Манна «Фьоренца»). Философские взгляды С. представляют собой уникальное и противоречивое явление в контексте культуры 15 в. Он далеко опережает свое время в области осмысления социальных технологий («Об управлении Флоренцией»), хотя с точки зрения их содержательного и аксиологического наполнения ориентируется на очевидно более ранние догуманистические образцы. Философские идеи С., практически изоморфно идентифицируясь с каноническим томизмом, содержат в себе неоплатонические вкрапления, касающиеся трактовки человека и идущие вразрез с томистским аристотелизмом.

Будучи близким другом Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы, С. строит свои взгляды на достоинство человека в соответствии с установками Флорентийской Платоновской Академии (специфика положения человека во Вселенной заключена, по С., в том, что он наделен свободой воли и способностью принимать решения, руководствуясь разумом), фундируя однако этими идеями жестко ригористическую систему морального аскетизма (разум дай человеку для усмотрения греха и различения добродетели и порока, а свобода воли есть условие и инструмент реализации «чистого» морального выбора).

Актуальная в контексте ренессансной культуры проблема красоты обретает у С. спиритуалистическую интерпретацию: «В чем состоит красота?.. Вы видите солнце и звезды: красота их — свет. Вы видите Бога, который есть свет. Он — сама красота...

Прекрасная душа сопричастна красоте Божественной и отражает свою небесную прелесть в теле человека. О Пресвятой Деве мы читаем, что все изумлялись ее необычайной красоте и, тем не менее, благодаря той святости, которая светилась в ней, не было никого, кто по отношению к ней почувствовал бы что-нибудь скверное». Как гносеологические, так и этические воззрения С. центрированы такой максимальной для него ценностью, как откровение: «

;Последняя цель человека есть, конечно, блаженство, которое состоит не в созерцании

сквозь отвлеченные понятия, как того хотят философы, а в чистейшем непосредственном ощущении Бога". В контексте характерного для Флоренции платоновского ренессанса С. ссылаясь на Платона (в весьма специфических контекстах) в своих проповедях: "Разве Платон, превозносимый теперь до небес, не настаивал на необходимости закона, по которому... поэты изгонялись бы из города за то, что они, ссылаясь на пример и авторитет нечестивых богов, в гнуснейших стихах воспевают скверные плотские страсти и нравственный разврат?" Между тем одним из наиболее распространенных афоризмов С. был следующий: "Зачем нам Платон, когда теперь самая последняя христианка умнее Платона?!" Неоднозначность проявляется даже в форме произведений С: будучи бесспорным мастером дидактического жанра, С. ориентирован на монологические формы творчества (как проповедь или политическое воззвание), вместе с тем, его "Размышления о псалме 51" являют собой блестящий образец полемического диалога между христианином, истовым в вере, и убежденным эпикурейцем.

Феномен С., при всем сказанном выше, является глубоко закономерным в контексте культуры раннего Ренессанса: декларировав *liberte, egalite, fraternite*, практически во всех областях, в том числе и в сфере межличностных отношений, становящаяся гуманистической культура не сразу обеспечивала их конкретными и апробированными поведенческими парадигмами: старые, идущие от христианской морали традиционные нормы уже выглядели неприемлемыми, а новые — создавались, период их формирования не мог не характеризоваться в этом плане противоборством культурных альтернатив, одна из которых — тотально доминирующая — была связана с абсолютизацией пафоса отрицания христианской морали и экстраполяцией негативной критики на любые нравственные ограничения вообще, что порождало атмосферу нравственного индифферентизма, приведшего к небывалому по цинизму падению нравов; вторая же тенденция, возникающая как реакция на эту эмансипацию плоти и связанная с попытками реанимации жестко аскетического морального ригоризма, как раз наиболее ярко персонифицируется С. (на Ватиканской фреске Рафаэля С. изображен в ряду великих представителей католического церковного мира). Означенная дихотомия развития требовала нового культурного синтеза, реализованного впоследствии зрелым Ренессансом в идеале одухотворенной телесности. Однако учение С. выходит за рамки описанной ситуации, прокладывая пути культурному синтезу более широкого масштаба: его убежденность в личной ответственности человека перед Богом за свой моральный выбор, воплощенный в остро индивидуально выстроенной судьбе земного существования, делает учение С. одной из важных вех в становлении идеологии Реформации. Статуя С. по праву входит в состав знаменитого скульптурного комплекса в Вормсе, посвященного предшественникам Реформации.

М.А. Можейко